

Piotr Baleja

 <https://orcid.org/0000-0002-5329-1652>

Uniwersytet Łódzki

Szkoła Doktorska Uniwersytetu Łódzkiego

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Przekładu i Dydaktyki

90-226 Łódź, ul. Pomorska 171/173

piotrbaleja@icloud.com

О КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ПЕРЕВОДЕ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

On Cultural Memory in Translation (Theoretical Perspective)

Резюме

Статья посвящена категории культурной памяти в переводе, которая в существенной степени влияет на переводческие решения. Автором подчеркивается, что теоретические положения зарубежных ученых, особенно Яна Ассмана и Мориса Хальбвакса, играют важную роль в осмыслении сложностей, с которыми приходится столкнуться переводчику. В статье отмечаются идентификационная и компенсаторная функции культурной памяти, ибо они ярчайшим образом проявляются в национальных мифах и других важных нарративах культуры оригинала и перевода.

Учитывая достижения в области переводоведения, автор расценил как необходимое ввести понятие культурной памяти в уже существующие положения выдающихся теоретиков данной научной дисциплины. Существенными для настоящего исследования оказались работы Кшиштофа Хейвовского, Романа Левицкого, Анны Беднарчик, Фрица Пепке и других. Автором отмечается, что в культуре перевода добиться ассоциаций схожих, с возникающими в культуре подлинника, учитывая специфику культурной памяти народов-реципиентов, может оказаться задачей весьма сложной или порой невозможной.

В статье сформулирован вывод о необходимости формировать переводческую компетентность в области культурной памяти. Автором проводится также классификация возможных проблем, мотивированных культурной памятью. Выделяются объективные, то есть сугубо онтологические, сложности и субъективные, определяющиеся человеческим фактором.

Ключевые слова: переводоведение, культурная память, национальные мифы, переводческие проблемы, теория и критика перевода.

Summary

This paper is devoted to the category of cultural memory in translation, which has a major influence on decisions made by translators. The author highlights that the theoretical positions of foreign researchers, and especially of Jan Assmann and Maurice Halbwachs, have an important contribution to the understanding of the problems that the translator is confronted with. In the article there are also noticed identification and compensatory functions of cultural memory, as they are most prominent in national myths and other important narratives of the cultures of the original and translation.

The author has considered as necessary to incorporate the concepts of cultural memory into the already existing statements of prominent theorists of Translation Studies, due to the achievements in the field of the translation studies. Significant for the present research were the works of Krzysztof Hejwowski, Roman Lewicki, Anna Bednarczyk, Fritz Paepcke and several others. This article points out that achieving associations similar to those of the original culture in the culture of translation, due to the specific cultural memory of the recipients, can be a very difficult or sometimes impossible task.

The paper formulates the conclusion about the necessity to create translation competence in the area of cultural memory. Additionally, the author provides a classification of potential problems, which are motivated by cultural memory. The article identifies objective, that is, ontological, difficulties and subjective ones, which are determined by the human factor.

Keywords: translation studies, cultural memory, national myths, translation problems, translation theory and criticism.

Тадеуш Котарбински, польский философ, справедливо отметил, что: «прошлое, хранящееся в памяти, становится частью настоящего» (Adamus, 1964, 43). На наш взгляд, ведущую роль в формировании обобщенного восприятия литературного произведения, переведенного на иностранный язык, играют, именно, глубоко укоренившиеся в культуре устойчивые фоновые представления реципиента о прошлом своего народа. Переводчик также подвластен историко-культурным соображениям среды, в которой становится как личность и мастер своего ремесла. Настоящая статья посвящена довольно объемному понятию «культурная память». На наш взгляд, данная категория непосредственно определяет различные переводческие решения, касающиеся отображения в переводном варианте макротекстовой организации подлинника.

В попытках проанализировать разные подходы к определению сущности проблемы, особое внимание мы уделим интердисциплинарности проводимых по данной теме исследований, которые будем приводить функциональным способом, ибо не ставим перед собой задачу целостного представления истории развития понятия в литературе различных наук. Мы постараемся также перенести результаты отдельных работ на почву переводоведения и определить важность данной проблемы как в формировании компетентности переводчика, так и во влиянии переводного варианта подлинника, насыщенного элементами культурной памяти, на его потенциальное восприятие реципиентом. Актуальность исследования обусловлена оживленным инте-

ресом к вопросам памяти в научном дискурсе, а также недостаточной разработкой темы в области переводоведения.

Итак, объектом нашего исследования является проблема культурной памяти, а предметом – воплощение упомянутой идеи в теории и практике перевода.

В рамках гуманитарного дискурса одним из первых исследователей, занимающихся проблемой памяти в более широком, то есть общественном, контексте, был Морис Хальбвакс – французский социолог, философ и психолог. Как утверждает Лидия Козлова:

теоретические взгляды этого ученого [...] практически неизвестны в России, в то время как в западной социологии его идеи с определенной периодичностью становятся предметом научных дискуссий (Козлова, 2014, 221).

Мы считаем необходимым привести хотя бы общие тезисы из фундаментального труда Хальбвакса *Социальные рамки памяти*¹, впервые изданного еще в 1925 году, поскольку они оказали определенное влияние на исследования других ученых. По поводу природы памяти Хальбвакс пишет:

Итак, следует отказаться от мысли, что прошлое сохраняется неизменным в памяти индивидов, как будто с него делается столько же разных снимков, сколько есть индивидов. Люди, живущие в обществе, пользуются словами и понимают их смысл – такова предпосылка коллективного мышления (Хальбвакс, 2007, 325).

Исследователь предполагает существование некой общей памяти, которая объединяет членов того или другого общества. Однако, на его взгляд, коллективность памяти не проявляется в трансляции и интегрированности отдельных человеческих воспоминаний, совокупность которых создает общую картину, а суть коллективности памяти заключается в сосуществовании единиц в рамках одной общей системы координат.

Хальбвакс обращает внимание также на соединяющую роль языка и его семантических свойств как одного из детерминантов коллективной памяти:

[...] прежде чем вызвать в памяти воспоминания, мы их проговариваем; реконструировать в любой момент наше прошлое нам позволяет речь и вся солидарная с нею система социальных конвенций (Хальбвакс, 2007, 326).

Французский социолог придает особое значение разным социальным установкам, которые напрямую влияют на формирование общих воспоминаний, одновременно будучи их интегральной частью.

¹ Данное издание является русским переводом монографии: M. Halbwachs (1925). *Les cadres sociaux de la memoire*. Paris. Факт так позднего перевода труда Хальбвакса на русский язык, несомненно, является главной причиной менее широкой известности данного автора в пространстве русскоязычной науки, чем в западном научном мире, что отмечалось Козловой.

Наряду с этим необходимо отметить мнение Евгении Романовской, которая в своих попытках осмысления наследия Хальбвакса приходит к следующим заключениям:

Хальбвакс переносит рассмотрение памяти в окружающий индивида социальный контекст. С одной стороны, воспоминания человека вписываются в рамки его личной жизни, с другой – он способен вести себя как член группы, вызывая в памяти воспоминания, затрагивающие его группу. Эти две памяти часто проникают друг в друга, но не смешиваются. Индивидуальная и коллективная память развиваются по собственным законам (Романовская, 2010, 41).

Саратовская исследовательница обращает внимание в теории Хальбвакса на взаимосвязь двух пластов памяти: личного и общего. Согласно предположениям ученого, человеку свойственно принимать свои и чужие воспоминания, однако формирование памяти коллектива происходит по другим принципам. В силу объективных ограничений объемом работы и прагматической ценностью для дальнейших наших рассуждений, разнообразность вышеотмеченных механизмов мы рассматривать не будем.

Стоит, однако, отметить, что значимость труда Хальбвакса, по мнению Натальи Колягиной – историка и философа, заключается в его междисциплинарности. Данную монографию она позиционирует как:

одну из важнейших работ в теории коллективной памяти XX в. Автор этой книги [Хальбвакс – П.Б.] был хорошо осведомлен о достижениях современной науки в наблюдении за индивидуальными переживаниями человека, равно как и владел разрабатывающимися в то время методиками социального анализа, учитывающего обусловленность интимной жизни индивидуума общественными явлениями (Колягина, 2009, <https://web.archive.org/web/20130806024531/http://urokiistorii.ru/media/book/halbwachs>, доступ: 5.10.2023).

Мы вполне согласны с высказыванием Колягиной. На наш взгляд, работу Хальбвакса можно считать первой целостной монографией, посвященной проблеме памяти как социальной составляющей. Упомянутому социологу приписывается концепция коллективной памяти.

Стоит отметить, что новаторской для второй половины последнего столетия концепцией памяти можно считать теорию Яна Ассмана – немецкого историка религии и культуры, египтолога. Как показывает исследовательская практика, действительно, труды гейдельбергского ученого оказали значительное влияние на современное понимание памяти как составной части общекультурной жизни народа, а его фундаментальная работа *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*², изданная в Мюнхене в 1992 г., хоть и базируется на

² Данное издание является русским переводом монографии: J. Assmann (1992). *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, München: Beck.

античном периоде, стала основой для многочисленных трудов, предметом интереса которых служили другие эпохи и народные массы.

Ассман во многом развивает теоретические положения Хальбвакса, переосмысливает отдельные элементы его концепции, часть из них используя как основу для дальнейших рассуждений. Немецкий историк делает следующую пометку: «у Хальбвакса мы хотим заимствовать концепцию прошлого, которую можно назвать *социально-конструктивистской*» (Ассман, 2004, 49). В своем исследовании Ассман, однако, уходит от коллективной памяти Хальбвакса, постепенно приходя к выводам о существовании двух видов общей памяти: коммуникативного и культурного (Ассман, 2004, 52).

По мнению Ассмана, коммуникативная память (Ассман, 2004, 50–54) кодирует воспоминания недавнего прошлого. Коммуникативность заключается в передаче и разделении своего восприятия действительности со своими современниками. Она имеет свойство принадлежать прежде всего одному поколению. Информация передается как устным, так и письменным способом, тем не менее в большинстве случаев не распространяется на последующие поколения. Исследователь отмечает, что коммуникативная память – общераспространенная. Причину общедоступности данного вида памяти, мы находим в ее социальной природе. На наш взгляд, находясь в разного рода социальных взаимоотношениях, человек вынужден коммуницировать с другими, учитывая их личную историю, переживания социальной общины и т.п., тем самым приобретая и транслируя информацию, являющуюся естественным наследием процессов коммуникации. Ассман таким образом описывает данную проблему:

Конечно, одни знают меньше, другие больше, и память стариков уходит дальше в прошлое, чем память молодых. Однако в этой неформальной традиции не существует специалистов и экспертов, хотя отдельные люди могут помнить больше и лучше, чем остальные. Знание, о котором идет здесь речь, приобретается вместе с языком и повседневной коммуникацией. Здесь каждый считается в равной мере компетентным (Ассман, 2004, 56).

В свою очередь, Ассман полагает существование еще одной разновидности памяти – культурной. Немецкий автор утверждает, что:

культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. [...] Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание. [...] Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она (Ассман, 2004, 54–55).

Ассман в своей теории обращает внимание на символичность фигур, мифичность событий и обязательную временную дистанцию. Можно сказать, что культурная память является важной частью национальной идентичности, ибо способствует созданию общего культурного фона для определенной этнической общины.

Немецкий исследователь подчеркивает, что «культурному воспоминанию присуще нечто сакральное» (Ассман, 2004, 55). В нашем восприятии, данное замечание является ключевым для правильного выделения субъектов культурной памяти. Стоит попытаться дать ответ, что подразумевает определение «сакральное». Ассман, опираясь на древние традиции, перечисляет: традиции, обряды, праздники и т.п. На наш взгляд, учитывая общественные изменения последних лет, стоило бы добавить также всякого рода тексты культуры, которые приобрели в некотором смысле сакральный, а вернее культовый, характер.

Можно сделать вывод, что, по мнению Ассмана, культурная память является важнейшим показателем, формирующим общественную картину мира. Автор утверждает, что:

Благодаря культурной памяти человеческая жизнь приобретает двухмерность, или двувременность, сохраняющуюся на всех стадиях культурной эволюции. [...] Культурная память опирается на твердое. Это не поток, который, приходя извне, пронизывает отдельного человека, а скорее вещный мир, который человек создает сам (Ассман, 2004, 60–62).

Вышеприведенная цитата иллюстрирует суть и содержание понятия культурной памяти. Разные составные части культурной памяти проявляются в человеческой деятельности, распространяются в ней, а, в свою очередь, влияют на мировоззрение индивида как отдельного субъекта, так члена общества, а также указывают на коллективный взгляд социальной среды, одновременно будучи определяющим фактором. Данные элементы органично существуют в сознании человека, пребывающего в укрепленной временем системе общественных координат.

Стоит упомянуть, что внутри понятия культурная память Ассман выделяет еще две опции: горячую и холодную (Ассман, 2004, 72–74). Холодная культурная память проявляется в сохранении повторяющихся социокультурных схем и укреплении общественного порядка вещей. В свою очередь, доминантой горячей культурной памяти являются переломные, уникальные моменты истории, исторические лица, события, способствующие «изменению, становлению и росту или же разложению, деградации, ухудшению» (Ассман, 2004, 74).

В теорию Ассмана вписываются также теоретические положения нидерландского литературоведа – Эрнста ван Альфена, который по поводу памяти и культуры пишет:

«Myślenie kultury» dotyczy przede wszystkim konkretnego sposobu odnoszenia się do kultury, do tekstów, obrazów i praktyk kulturowych, powiedzmy, że konkretnej metodologii. Traktuję kulturę jako sposób myślenia. Jak pisałem wyżej, to metaforyczny sposób ujęcia zagadnienia, ponieważ wymaga od widza szczególnego zaangażowania, które wyzwoli idee obecne w kulturze. To zaangażowanie najlepiej rozumieć jako krytyczną interwencję (van Alphen, 2019, 16).

Исследователь понимает культуру как концептуальную схему, формирующую мировоззрение зрителя, что приводит к особой рецепции произведений в разных культурах. Культурная система мышления, по мнению ван Альфена, включает в себя конкретные тексты, образы, лейтмотивы и др.; благодаря культурному фону реципиент интерпретирует отдельные фрагменты действительности, а также дает им оценку, становясь участником культуры. Своим участием, он расширяет семантическое поле произведения, а данное расширение оно и есть – критическое вмешательство.

Среди разных подходов к проблеме взаимоотношений памяти и культуры стоит выделить особый взгляд Юрия Лотмана – советского литературоведа, семиотика и культуролога. Исследователь отмечает, что:

С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы (Лотман, 1992, 200).

Лотман обращает внимание на существование культуры как пространства общей памяти. По мнению ученого, различные тексты, важные для общества, могут сохраняться, о чем писали упомянутые ранее Хальбвакс и Ассман, но имеют также свойство подлежать процессам актуализации, что отчасти совпадает с мнением ван Альфена. Советский исследователь подчеркивает также, что культурная память «сохраняет прошедшее как пребывающее» (Лотман, 1992, 201). Вместе с тем Лотман отмечает, что «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению» (Лотман, 1992, 201). Можно сделать вывод, что разные культурные среды, хотя и пережившие общие моменты истории, в рамках культурной памяти своего пространства могут использовать отличное повествование, касающееся одних и тех же событий.

Челябинский культуролог Мария Шуб в своих исследованиях, посвященных культурной памяти, выделяет следующие функции данной онтологической категории: накопительную, идентификационную, стабилизационную, объяснительную, легитимирующую и компенсаторную (Шуб, 2016, 71). Для целей нашего исследования наиболее продуктивными являются компенсаторная и идентификационная.

В рамках идентификационной функции Шуб отмечает, что:

И нации, и локальные этнические коллективы, и государства, и сектантские объединения нуждаются в *своей истории*, в своей точке отсчета, в собственных истоках (желательно уходящих вглубь веков) (Шуб, 2016, 72).

Такая трактовка понятия позволяет сделать вывод о том, что собственное повествование в пределах культурной памяти данной группы чрезмерно важно. Группа, в том числе национальная, сама определяет ключевые события в своей истории, интерпретирует их, а также проводит своеобразную мифизацию, что свидетельствует о компенсаторности культурной памяти, поскольку «реализация данной функции подразумевает компенсацию несовершенства настоящего через конструирование *идеального* прошлого» (Шуб, 2016, 74).

Передача элементов культурной памяти определенной группы, выраженной в литературных произведениях, в переводном варианте текста, которого реципиентом является читатель из другого культурного круга – задача сложная. Анна Беднарчик утверждает, что «воссоздание в литературном переводе национального колорита является одним из основных вопросов современной науки о переводе» (Bednarczyk, 2002, 48). На наш взгляд, национальный колорит формируется под влиянием, напрямую определенной культурой, общей памяти группы.

В свою очередь, Зигмунд Гросбарт отмечает, что «существует мнение, что литературное произведение в переводе должно воздействовать на читателя так же, как оригинал воздействует на его реципиента» (Grosbart, 2006, 205). Данное предположение ставит перед переводчиком задачу подбора соответствующих языковых средств, образов, культурных схем и т.п.. Однако, на наш взгляд, в произведениях, содержащих яркие элементы культурной памяти другого народа, достичь похожего восприятия текста ожидать не стоит. Польский исследователь Кшиштоф Хейвовски, рассматривая перевод элементов культуры, приходит к сходным заключениям:

Innymi słowy, w przypadku elementów kulturowych nie należy oczekiwać u odbiorców przekładu podobnej reakcji, gdyż to, co jest dobrze znane i swojskie dla odbiorców oryginału, będzie obce, a czasem wręcz egzotyczne dla odbiorców przekładu (Hejwowski, 2006, 72).

Разные культурные группы ведут собственный нарратив, касающийся одних и тех же событий, героев, историй. Неоднократно данное повествование имеет не столь различный, сколь противоположный характер, что обусловлено компенсаторностью культурной памяти. В польском и сугубо постсоветском информационном поле отдельные моменты истории воспринимаются, как известно, по-разному. Даже в рамках сегодняшней риторики бывших республик Советского союза историческое повествование отличается, что, отчасти, можно попытаться растолковать, используя достижения западных исследователей, занимающихся проблематикой постколониализма³. В свете вышесказанного важно отметить, что переводчику необходи-

³ Поскольку данная тематика не является прямой областью нашего исследования, мы не будем ее подробно рассматривать. Отметим только, что среди авторов, занимающихся постколониальной теорией, стоит назвать Петера Томсона, Бритту Олинде, Джона Маклеода и других.

мо понимать разницу между трактовкой отдельных семантических пластов произведения в кругу языка оригинала и перевода. На наш взгляд, в программу профессиональной подготовки переводчиков стоит включать разделы, посвященные культурной памяти народов, говорящих на изучаемом языке, что позволит будущим переводчикам более широким взглядом смотреть на текст. Вацлав Осадник, польский переводовед, констатирует похожее:

Tłumacz nie tylko musi znać języki, którymi operuje w przekładzie, bezwzględnie powinien też zapoznać się z tekstem wyjściowym pod kątem jego kontekstu kulturowego (Osadnik, 2008, 158).

Переводчик, столкнувшись с насыщенными элементами культурной памяти текстом, стоит перед рядом дилемм, часто этического характера. Отличительное повествование оригинала вызывает определенные риски неприятия текста иноязычным реципиентом, сознание которого своими корнями глубоко уходит в начерченную национальными мифами картину общей культурной памяти группы. Переводчик должен понимать, что его тексту будет свойственно разрушать устойчивые концепции, мифические сюжеты, представления о правильности и благородности различных событий общей истории народа-реципиента переводного варианта. Анализируя переводческие дилеммы, польские исследователи Катажина Майдзик и Даниэль Слапек, пришли к следующим заключениям:

Wybory mikrotranslatorskie ogranicza i wytycza rzecz jasna oryginał (ze wszystkimi właściwymi mu uwarunkowaniami), a także wyobraźnia i biegłość tłumacza poruszającego się w ramach danego kodu językowo-kulturowego, zobowiązania etyczne wobec tekstu oryginału oraz zależność i zdolność emocjonalna powstająca w wyniku kontaktu z oryginałem (też z autorem) i twórczej pracy nad przekładem (Majdzik, Ślapek, 2015, 168).

На основании вышеприведенной цитаты можно сделать вывод, что переводчик находится под влиянием различных факторов. Мы разделим их на две группы: объективные и субъективные. К объективным мы причислим: структуру и семантику оригинала, языковые знания, культурную компетентность и навыки переводчика. В свою очередь, на наш взгляд, ряд субъективных факторов составляют: воображение переводчика, а также эмоциональная привязанность к автору и тексту. Мы предполагаем, что стоит также упомянуть привязанность автора перевода к культурной памяти своего народа, которая также играет немаловажную роль в принятии переводческих решений. Переводчик, ведь, работает на стыке языков, текстов, культур, историй, мифов и памяти.

Автор перевода, однако, в своей работе встречается не только с отвлеченностью приведенных понятий. Элементы культурной памяти другого народа он изучает на практике, пытаясь надежным образом выполнять свою

задачу. Прочтение текста переводчиком должно опираться на выделение компонентов, свидетельствующих о укрепившихся в культурном сознании мифах, образах и представлениях. Память народа, как мы уже рассуждали, является обширным понятием, включающим в себя целый ряд составляющих. Часть из них Роман Левицки, польский русист – переводовед, объединяет под понятием «реалии», выделяя следующие основные группы: «названия природных явлений; названия явлений традиционной культуры; названия явлений общественно-политической жизни» (Lewicki, 2022, 234). А также подгруппы:

- a) nazwy obiektów kultury materialnej: tradycyjnych budowli i ich części, odzieży i obuwia, mebli i sprzętów domowych, potraw i napojów, narzędzi, tradycyjne nazwy miar, wag i pieniędzy, a także ludzi według ich tradycyjnego zajęcia;
- b) nazwy obiektów kultury duchowej: postaci mitologicznych, pojęć religijnych, tradycyjnych obrzędów, zwyczajów, tańców, instrumentów muzycznych, przedstawień, gier, a także nazwy ludzi uczestniczących w tych obrzędach, grach itd. (Lewicki, 2022, 235–236).

На наш взгляд, приведенные Левицким составляющие в большей части являются определяющим фактором культурной памяти. Тем не менее, перечень, хотя и обширный, далеко не полный. В культурной памяти, действительно, предметы повседневной жизни, явления природы, объекты религиозной, социальной, политической и культурной жизни народов играют ведущую роль. Однако, гораздо важнее не их форма, а суть – информация, носителем которой они являются; идеи, которых реализацию воплощают. Наши предположения отчасти находят свое отображение в теории Левицкого, который пишет о двух разных исследовательских вопросах: проблеме перевода реалий как явлений и проблеме перевода названий реалий (Lewicki, 2022, 228).

В свою очередь, Фриц Пепке, немецкий языковед и переводчик, утверждает, что:

rozumienie konkretyzuje zatem na podstawie przekazu tekstualnego związek z szerszą całością, która istnieje, jeszcze zanim wejdziemy w kontakt z danym tekstem. [...] Rozumiany tekst dostarcza wszakże nie tylko informacji, lecz również przekazu, który dla słuchacza, czytelnika lub tłumacza jest obecny jako świadomościowa treść i steruje słuchaczem, czytelnikiem lub tłumaczem (Paepcke, 2009, 340).

Исследователь полагает существование некоего «целого», то есть комплексных фоновых знаний, присущих реципиенту. Данному «целому» свойственно быть, на наш взгляд, частью мировоззренческой структуры, поскольку «широкое целое» является носителем информации, проявляется мимовольно, еще до непосредственного контакта с содержательной частью произведения, а также имеет воздействующую на реципиента силу. Размышления Пепке представляют особую ценность для нашего исследования, ибо являются доказательством существования своего рода целостной системы

координат, влияющей на сознание переводчика и его переводческие решения. Мы настаиваем на том, что данное «целое» можно попытаться декодировать как культурную память.

Пепке, однако, не конкретизирует, что именно подразумевается под понятием «целое» и каковы его составляющие. На наш взгляд, перечисленные Левицким реалии, и как мы уже упомянули, их суть, отчасти, могут служить попыткой деконцептуализации рассуждений Пепке. Тем не менее, «целое» – культурная память не ограничивается всего лишь реалиями. Культурная память – целый набор сведений о нации, ее материальной и духовной культуре, мифах, героях, врагах, мировоззрении.

Польский исследователь, Ольгерд Войтасевич, определяет цели перевода следующим способом:

operacja tłumaczenia tekstu a sformułowanego w języku A na język B polega na sformułowaniu tekstu b w języku B, który to tekst b wywoływałby u jego odbiorców skojarzenia takie same lub bardzo zbliżone do tych, które u odbiorców wywołał tekst a (Wojtasiewicz, 2007, 28).

Данные цели, уже неоднократно прозвучали в нашей работе, однако, мы считаем необходимым подчеркнуть, к чему должен стремиться переводчик. Добиться схожих ассоциаций в культуре перевода, учитывая специфику культурной памяти народов, может оказаться задачей весьма сложной или, как мы уже упоминали, порой невозможной. Стоит задаться вопросом, какие препятствия придется преодолеть переводчику, столкнувшемуся с проблемой насыщенного элементами культурной памяти текста. На основе всего вышесказанного, мы выделили несколько групп препятствий:

Субъективные – определенные человеческим фактором:

- недостатки системы образования;
- нехватка знаний и умений переводчика;
- привязанность переводчика к отечественному историческому и культурному повествованию;
- эмоциональное отношение переводчика к тексту оригинала, его содержанию и/ или автору;

Объективные – сугубо онтологические:

- отличительные или взаимоисключающиеся национальные мифы культуры подлинника и перевода;
- другое историческое повествование народов культуры подлинника и перевода;
- другие реалии повседневной, праздничной, общественной, религиозной, политической и культурной (духовной и материальной) жизни народов подлинника и перевода;
- другая система нравственных координат;
- другие архетипные герои с отличительным набором качеств;

- отличительные группы стереотипных/ мифических/ геополитических «друзей/ братьев» и «врагов» среди народов мира;
- в ранее связанных политическим сосуществованием народах также постколониальные культурные зависимости и последствия.

Переводчику приходится понимать суть представленных выше препятствий, а также находить их непосредственную реализацию в языке произведения, семантике и структуре текста, речи героев, представленных обрядах, обычаях, приведенных текстах культуры (литературных произведениях, песнях, фольклорных стихах, фильмах, картинах и т.д.), исторических, религиозных и политических сведениях (названиях героев, событий, лозунгах, предметах и т.д.). Данный перечень возможных препятствий и их практического существования в тексте, конечно, далеко не полный. Ведь культурная память – понятие достаточно емкое, позволяющее выразить национальный колорит определенной группы.

Культурная память является важной научной теорией как с точки зрения практики и дидактики, так и теории перевода. Знания в области культурной памяти народов подлинника и перевода, несомненно, влияют на качество переводов, их ценность, примененные переводчиком стратегии, а также напрямую определяют рецепцию произведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высших культурах древности*. Москва: Языки славянской культуры.
- Козлова, Л.В. (2014). *Теория социальных классов Мориса Хальбвакса*. Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 4, 219–234.
- Колягина, Н.К. (2009). *Морис Хальбвакс. Социальные рамки памяти. Уроки истории*, <https://web.archiwa.org/web/20130806024531/http://urokiistorii.ru/media/book>, доступ: 5.10.2023.
- Лотман, Ю.М. (1992). *Память в культурологическом освещении*. В: *Избранные статьи в трех томах. Том первый. Статьи по семиотике и топологии культуры (200–203)*. Таллин: Александра.
- Романовская, Е.В. (2010). *Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти*. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, 10 (3), 39–45.
- Шуб, М.Л. (2016). *Функции культурной памяти*. Вестник культуры и искусств, 4, 71–76.

- Adamus, J. (1964). *O kierunkach polskiej myśli historycznej*. Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat'i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

- Bednarczyk, A. (2002). *Kulturowe aspekty przekładu literackiego*. Katowice: Śląsk.
- Grosbart, Z. (2006). *O arcytrudnej sztuce przekładu*. Katowice: Śląsk.
- Halbwachs, M. (2007). *Social'nye ramki pamyati*. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Hejwowski, K. (2006). *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kolyagina, N.K. (2009). *Moris Khal'bvaks. Sotsial'nye ramki pamyati. Uroki istorii*, <https://web.archiwa.org/web/20130806024531/http://urokiistorii.ru/media/book>, accessed: 5.10.2023.
- Kozlova, L.V. (2014). *Teoriya sotsial'nykh klassov Morisa Khal'bvaksa*. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya, 4, 219–234.
- Lewicki, R. (2022). *Zagadnienia lingwistyki przekładu*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Lotman, Yu.M. (1992). *Pamyat' v kul'turologicheskoy osveshchenii*. V: *Izbrannyye stat'i v trekh tomakh*. Tom pervyy. *Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* (200–203). Tallin: Aleksandra.
- Majdzik, K., Słapek, D. (2015). *Narzędzia analizy przekładu*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek.
- Osadnik, W. (2008). *Przekład jako poszukiwanie ekwiwalencji kulturowej (O angielskim tłumaczeniu „Wojny polsko-ruskiej pod flagą biało-czerwona” Doroty Masłowskiej)*. W: *Odmienność kulturowa w przekładzie (157–189)*, P. Fast, P. Janikowski (red.). Katowice–Częstochowa: Śląsk – Wydawnictwo Wyższej Szkoły Lingwistycznej.
- Paepcke, F. (2009). *Rozumienie tekstu a przekład*. W: *Współczesne teorie przekładu. Antologia (335–346)*, P. Bukowski, M. Heydel (red.). Kraków: Znak.
- Romanovskaya, E.V. (2010). *Moris Khal'bvaks: kul'turnye aspekty pamyati*. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika, 10 (3), 39–45.
- Shub, M.L. (2016). *Funktsii kul'turnoy pamyati*. Vestnik kul'tury i iskusstv, 4, 71–76.
- van Alphen, E. (2019). *Krytyka jako interwencja. Sztuka, pamięć, afekt*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Wojtasiewicz, O. (2007). *Wstęp do teorii tłumaczenia*. Warszawa: Translegis.